

Алексей ГОЛИЦЫН

«РЕПРЕССИИ Я СЧИТАЮ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ»

Поэт Лелевич в саратовской ссылке

В истории диссидентского движения Саратов выделяется среди прочих провинциальных городов СССР благодаря двум факторам. Во-первых, еще с 1920-х годов поволжский центр служил традиционным местом ссылки московских и питерских уклонистов. Во-вторых, в 1969 г. получило широкую огласку дело Группы революционного коммунизма, которую создали студенты Саратовского юридического института и Саратовского государственного университета. Молодые люди обсуждали политические проблемы, разработали устав и программу своей организации, а главное – размножали самиздатскую литературу и поддерживали связь с инакомыслящими из других городов СССР. Принято считать, что саратовская Группа революционного коммунизма – явление уникальное, однако у нее нашлись предшественники, причем в стенах того же вуза – СГУ им. Чернышевского.

В 1928 году в ОГПУ стали поступать агентурные донесения об активизации оппозиционных деятелей Саратова. Если раньше они ограничивались квартирными собраниями единомышленников – исключенных из партии и комсомола за разные «уклоны», то на этот раз в ход пошли листовки, которые распространялись в основном в студенческой среде.

По информации чекистов, в ядро саратовских оппозиционеров, исключенных из партии после XIV съезда ВКП(б), входили врач Георгий Воскресенский, экономист Николай Пестов, а также сосланный в Саратов после разгрома ленинградской оппозиции литератор, педагог и партийный идеолог Лелевич.

Согласно анкетным данным из уголовного дела ОФ-9039, Лабори Гилелевич Лелевич родился в 1901 г. в Могилеве-на-Днепре в семье «старого подпольщика, члена общества старых большевиков, частного учителя Калмансона». Окончил реальное училище, вступил в ВКП(б) в апреле 1917 г. После революции, по собственному признанию, «редактор ряда газет в провинции, зав. Губроста¹, секретарь райкома, член ГубКК² и различная сов. партработа. До 1926 г. в Москве на руководящей литературной работе и парт. работе».

В учетной карточке 2-й районной организации ВКП(б) г. Саратова содержатся более подробные сведения о его карьере. Так, с 1918 по июль 1919 г. Лелевич работал редактором газеты «Коммуна» в Самаре, затем до конца 1920 г. заведовал ГубРоста в Гомеле. С ноября 1922 г. по март 1925 г. был секретарем редакции Истпарта³. Ровно год, до марта 1926 г. возглавлял столичный журнал «Октябрь». С октября 1924 г. до декабря 1926 г. преподавал историю литературы в III Государственном Московском университете. С 10 декабря 1926 г. Лелевич числился доцентом кафедры истории русской литературы педагогического факультета Саратовского государственного университета. Кроме того, ссыльный Лелевич был запасным судьей Саратовского губернского суда.

По версии чекистов, именно Лелевич «возглавлял в Саратовской организации все оппозиционные элементы, пытаясь стянуть около себя недовольные элементы и возглавить их, взяв под свое руководство. Когда съездом и всей партией оппозиция была идейно побита и разоружена, Лелевич стал собирать около себя наиболее непримиримый элемент разнообразных оппозиционных течений. После “капитуляции” Зиновьева и

¹ Отделение Российского телеграфного агентства.

² Губернская контрольная комиссия.

³ Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б).

Каменева, Лелевич стал обнаруживать определенные тенденции к возглавлению и сплочению этих разложившихся элементов, исключенных из партии». Пользуясь своим положением университетского преподавателя, Лелевич начал формировать организацию из студентов, исключенных из партии и комсомола за оппозиционные взгляды. В его «группу» входили учащиеся СГУ Бабичев, Дубровин, Кавтария, Пилясов, Тараканов, Фридман и студент рабфака Романов.

Агентурными данными было установлено, что эта группа поддерживала связь с сосланными не только в Саратов, но и в другие города оппозиционерами Радеком⁴, Вуйовичем⁵, Раковским⁶ и Косиором⁷ и получала от них нелегальные воззвания Преображенского⁸, Радека и Троцкого⁹. Саратовские студенты «подвергали присланные документы обсуждению и изучению», а затем «выносили фракционную работу оппозиционной группировки в массы».

В октябре 1928 г. Лелевич привез из Москвы 15 копий письма Карла Радека в ЦК ВКП(б). В этом воззвании левый оппозиционер требовал вернуть из ссылки Троцкого и поместить его в «в наиболее сносные климатические условия». Лелевич перепечатывал документ на пишмашинке и раздавал своим студентам для дальнейшего распространения. Кроме того, его подпольная группа стала приобретать черты устойчивой организации. В частности, активисты начали собирать членские взносы.

Все перечисленное привело к тому, что 29 октября 1928 г. против левых оппозиционеров начались репрессии. Старший уполномоченный ОГПУ Шуклин постановил произвести обыски и арестовать Валентина Романова, Петра Занюка, Иосифа Цветкова и Георгия Воскресенского. Кроме того, в постановлении было указано еще восемь человек, которых следовало подвергнуть обыску, а в зависимости от результатов, и арестовать: Василия Загуменного, Степана Бабичева, Ипполита Кавтария, Ивана Смирнова, Константина Сенюшкина, Калиника Яшвили, а также Лелевича Л.Г.

Уполномоченные ОГПУ Подтынков и Нефедов отправились по адресу: ул. Часовенная, д. 49/75, кв. 7, где жил Лелевич. При обыске в качестве понятых присутствовали жильцы соседних квартир – все как на подбор управленцы местного Коммунистического университета: проректор Яков Голиков, проректор по хозяйству Михаил Москальцев и помощник проректора Михаил Чирков. Были изъяты несколько нелегальных листовок, письма, пишущая машинка «Континенталь», револьвер и шапирограф¹⁰.

⁴ Карл Радек (31 октября 1885 г., Лемберг, Австро-Венгрия – 19 мая 1939, Верхнеуральск) – политический деятель. На момент ареста в 1927 г. – ректор Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена в Москве, секретарь Исполкома Коминтерна. За выступление против коллективизации исключен из ВКП(б). При неясных обстоятельствах убит в тюрьме.

⁵ Войслав Вуйович (15 января 1897, Пожаревац, ныне Сербия – 3 ноября 1936, Москва) – до 1926 г. генеральный секретарь Коммунистического Интернационала молодежи, член Президиума Исполкома Коминтерна. В сентябре 1927 г. за поддержку левой оппозиции исключен из ВКП(б), Коминтерна, КИМа и сослан в Саратов. 3 ноября 1936 г. расстрелян в Москве.

⁶ Христиан Раковский (1 августа 1873, Котел, Османская империя – 11 сентября 1941, Орел) – политический и государственный деятель, на момент ареста в 1927 г. – полпред во Франции. За связь с левой оппозицией с ноября 1928 г. по август 1929 г. находился в ссылке в Саратове. Расстрелян в лесу под Орлом 11 сентября 1941 г.

⁷ Владимир (Владислав) Косиор (1891, Венграф, Польша – 30 марта 1938, Воркута) – партийный деятель. В мае 1928 г. за принадлежность к оппозиции исключён из ВКП(б) и выслан в г. Покровск АССР немцев Поволжья (ныне г. Энгельс Саратовской области). Судим четыре раза. Последний раз осужден тройкой при УНКВД Архангельской области к расстрелу.

⁸ Евгений Преображенский (15 февраля 1886, Болхов – 13 июля 1937, Москва) – экономист и социолог. В январе 1928 г. за связь с оппозицией выслан из Москвы в Уральск. Расстрелян 13 июля 1937 г.

⁹ В 1928 г. Лев Троцкий находился в ссылке в Алма-Ате.

¹⁰ Копировальный прибор, изобретенный инженером Шапиро. Состоял из механизма, через валики которого пропускался лист бумаги, пропитанный раствором из клея, воды, аммиака, сахара и глицерина. Срок изготовления копии достигал трех дней.

Одна из напечатанных на машинке листовок была приобщена к делу. Ее анонимный автор – либо сам Лелевич, либо его саратовский поделщик, т.к. в тексте есть ссылка на газетную публикацию пятидневной давности – объясняет суть разногласий с генеральной линией партии (здесь и далее сохраняется орфография оригиналов):

Выходит, что никакой самокритики в нашей ячейке не было. Но в газетах мы читали, что это не только в нашей ячейке, что во всей партии нет <нрзб> половодья самокритики. Почему это так выходит. Почему на одиннадцатом году пролетарской диктатуры никак не удается раскатать рабочих на самокритику? Чтобы критиковать, надо чувствовать себя хозяином положения. Пять лет назад XIII съезд постановил: «Рабочая демократия означает свободу открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни, свободу дискуссии по ним». Это – точные слова резолюции XIII партийного съезда о партийном строительстве. Исполнено ли это? Нет! Все важнейшие вопросы решаются и сейчас за спиной партийной массы. Вот июльский пленум ЦК повысил цены на хлеб. Почему он до решения не предложил ячейкам обсудить этот вопрос, не спросил их мнения? Нет, он решил сам втихомолку, а <нрзб>, знай-присоединяйся к уже принятому готовому решению. Таких случаев сколько угодно. Рабочий-коммунист не имеет возможности участвовать в выработке политической линии партии. Ему приходится только потом голосовать за уже принятые решения. Как же он сможет чувствовать себя хозяином, как же он будет критиковать? Критикуй – не критикуй, все равно: важнейшие вопросы будут решены без тебя. Ничего из самокритики не выйдет, если рабочие партийцы не добьются настоящей внутрипартийной демократии.

Теперь я хочу сказать о правой опасности в партии. <...> Чего хотят правые? Замедлить индустриализацию, затормозить выделку машин, а отсюда всей промышленности беда, застопорить дело с колхозами и совхозами, дать поблажку кулаку, свести на нет самокритику. Что все это значит? Не шуточки! Это значит связать рабочего по рукам и по ногам и выдать его на расправу нэпману, кулаку и бюрократу. Это значит всадить нож в спину революции. Правые – прямые пособники нэпача и кулака. Это ясно надо понять. Борьба с правыми надо нещадно.

Но тут происходит что-то странное. Вот в «Правде» от 24 октября ораторы на краснопресненском активе рассказали, что Московский Комитет еще с февраля месяца вел неправильную правую политику. Почему все партия узнала об этом только в октябре? Почему более полугодом прикрывали, замазывали правую политику Московского Комитета? Так с правыми не борются. Скрывали – вот и вышло, что чуть не всех секретарей Райкомов в Москве пришлось снять. Но сказана ли теперь вся правда? Боюсь, что нет. Товарищ Сталин говорит, что в Политбюро нет правых. А вот Калинин – член Политбюро – недавно на Моссовете закатил настоящую защиту кулака от налогового обложения. Это и есть правая политика. Да и Угланов¹¹ – виновник правых ошибок МК – как будто кандидат в политбюро. Выходит, что главных правых покрывают, а стрелочников наказали. Повторяется то же, что с Московским Комитетом. Сперва скрывают, а потом болезнь разрастется и, как снег на голову, на партию свалится. Мало стрелочников наказывать! Надо сейчас же главных заправил правой опасности партии назвать. Иначе никакой борьбы с правыми не выйдет.

И еще: я никак не могу понять, для чего держат в ссылке тех, кто давно говорил нам о правой опасности. Ведь оппозиция как раз предлагала повернуть огонь направо – против нэпача, кулака и бюрократа. Надо их вернуть из ссылки. Ясно, что они искренне помогут нам бить правых.

В тот же день, 29 октября были задержаны:

Николай Пестов, 30 лет, исключен из партии в 1927 г. за оппозицию. На момент ареста старший экономист саратовского окружного торгового отдела.

¹¹ Николай Угланов (5 декабря 1886, с. Феодоритское Ярославской губ. – 31 мая 1937, Москва) – государственный и партийный деятель. В 1928 г. – кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Расстрелян 31 мая 1937 г.

Георгий Воскресенский, 32 года, врач, исключен из ВКП(б) за принадлежность к оппозиции.

Абрам Фридман. 23 года, студент СГУ, исключен из кандидатов в ВКП(б) за оппозицию.

Василий Загуменный, 28 лет, окончил медицинский факультет СГУ, член партии с 1918 г., в 1928 г. исключен за активную оппозиционную деятельность.

Ипполит Кавтария, 25 лет, студент IV курса педфака СГУ, член ВКП(б).

Некоего Ивана Смирнова обыскали и отпустили. *«Смирнов проживает у гражданки Петровой, занимая угол в комнате. Вещей, за исключением белья, переписки и литературы, – совершенно не имеет»*, – написано в рапорте уполномоченного ОГПУ.

В постановлении на арест также обозначены Петр Занюк и Иосиф Цветков, однако никаких документов на них в деле не содержится.

Однако странность уголовного дела «Группы Лелевича» заключается не в этом. У активистов Пестова, Дубровина, Воскресенского и самого Лелевича было изъято оружие. Каждый из них хранил револьвер системы Нагана с семью патронами, и только у Дубровина пистолет не был заряжен. Невозможно объяснить, почему по этим фактам не проводилось следствие и не предъявлялись обвинения в незаконном хранении оружия.

Более того, в самый разгар следственных действий и допросов в ОГПУ написал заявление коммунист Загуменный, который утверждал, что отобранный при обыске у его брата Василия наган на самом деле принадлежит ему. А арестованному оппозиционеру оружие досталось во временное пользование, когда последний еще был членом партии. И в тот же день, 12 ноября, наган коммунисту Загуменному вернули.

Тем временем чекисты наладили поистине стахановскую работу по сбору доказательств и допросам. Пока шли аресты подозреваемых, показания давали свидетели. Был допрошен студент второго курса рабфака Алексей Курдин:

29 Октября я пришел на занятие вместе с Романовым Валент<ином> Иван<овичем> (отчество точно не знаю) на Рабфак. Перед концом занятий урока Романов вынул из кармана одну листовку, передавая ее мне сказал: «прочитай»

Я бегло ее просмотрел, где было изложена болезнь Троцкого, призыв к действию – требованию возврата его, как борца для пользы пролетариата и помещения его в более лучшие климат<ические> условия. Подписана листовка Радеком, датирована 28/IX–28 г.

Тут-же он передал другую такую-же листовку сидевшему на другой скамье рабфаковцу – члену ВКП(б) Зацеляпину; последний прочитав, тут же вернул обратно.

Ознакомившись с листовкой я положил ее в тетрадь что-бы с большой перерыв передать в бюро ячейки. После приступа к занятию (после малого перерыва) меня, Зацеляпина и группорга Портнова вызвали в бюро ячейки, где мне после по-видимому предв<арительного> их переговора с Портновым, который уже вышел задан был вопрос о состоянии в группах. Я спросил о каком состоянии идет речь. Мне ответили – читали я листовки. Я тут же изложил все по порядку, сказал, что я хотел сам принести ее. Тут-же после этого разговора эту листовку я передал в бюро ячейки.

У Романова листовок было еще несколько штук, какое количество, точно сказать не могу.

Другим никому листовок он не передавал. <...>

PS. Когда я эту листовку прочел то заявил ему: «Вот какими делами ты теперь занимаешься». Он мне на это ответил: «Нужно каким-нибудь путем освободить человека, ведь Вам не разрешают теперь такие штуки».

Как следует из документа, Курдин сдал своего сокурсника, и на следующий день 26-летний Валентин Романов, в свою очередь, каялся и давал признательные показания:

Я, Романов Валентин Иванович, признавая за собой вину в распространении нелегальной литературы, решил организационно порвать с оппозицией, почему и в

доказательство чего абсолютно все известное мне о её работе в г. Саратове как и об участии отдельных лиц в ее работе, буду показывать правдиво на настоящем допросе. Примкнув к оппозиции в конце 1927 г., я принимал участие в оппозиционной деятельности, как распространение литературы, устройстве собраний и т.д. в период до XV съезда партии, когда я был в ее рядах членом. Будучи исключен из ВКП(б), я подавал заявление в ЦКК¹², но через некоторое время заявление взял назад. До августа месяца я с оппозицией почти не соприкасался. С Августа месяца вновь стал встречаться с оппозиционерами, тоже исключенными из партии, как то: Лелевичем, Пестовым, Бабичевым, Поповым, Носовым, Воскресенским и другими, фамилии которых не помню, и относительно активную деятельность стал проявлять вновь с половины Сентября месяца, заключающаяся в получении листовок от ряда лиц, както: Лелевича, Пестова, Бабичева и др., которые дал для прочтения нескольким товарищам по Рабфаку, состоящие членами ВКП(б). Склонить к оппозиции данных товарищей мне не удалось, и мне кажется, что они читали их из любопытства. Читать я давал товарищам, которые никому не давали и не говорили об этом.

28/X-28 г. я был у Лелевича, с которым имел разговор об организационной структуре теперешней оппозиции. Из беседы с ним я вынес заключение, что есть комитет, являющийся центром для Саратова, и что необходимо вносить членские взносы в размере 3%, также ребята, связанные с оппозицией, прикреплены к районам руководителями и в частности к районному руководителю прикреплен и я, которому должен сдавать членские взносы. Этим руководителем является Лелевич, кто является Секретарем Центра, и есть ли таковой, неизвестно, и я не находил причин спрашивать. На обязанности руководителя лежит информирование прикрепленных ему, дачи поручений и дача литературы, новые члены представляются руководителю, дальнейшее продвижение мне неизвестно.

Листовки писались Радеком, были переданы мне Лелевичем в количестве 3х или 4х экземплярах с заданием размножить в массовом порядке в возможно большем количестве экземпляров. Передал он мне их 28/X 28 г. Приход мой 28 октября был случаен, но вообще я заходил к нему часто. Примерно раза два в неделю. Когда 29/X я передавал листовки на Рабфаке, то Курдину и Зацеляпину и узнал о том, что листовки Курдиным переданы в ячейку партии. Вечером 29/X пошел к Лелевичу сообщить о случившемся, но его не застал, увидев у него незнакомых мне лиц. Когда я зашел, один из них спросил меня, исключен ли я из партии. После чего я рассказал о цели прихода, т.е. предупредить Лелевича о провале. Один из них рекомендовал мне в случае допроса меня в ГПУ сказать, что получил по почте от Нечаев из <Ишима?>. О Нечаеве лично я ничего не слышал.

В беседе с Лелевичем 28/X я от него узнал, что он в этот день проводил беседу с рабочими заводов «Сотрудник революции» и кажется завода Ленина. Рабочих было человека четыре. Но не помню точно количества. <...> убеждал и меня последовать его примеру, приводя факты, что троцкисты перешли к антисов. деятельности, разбрасывая листовки, о чем он узнал от приехавших ребят членов партии, твердых цекистов. Узнав об этом, я спросил Лелевича, правда ли это. Он выразил сомнение о листовках, а на вопрос есть ли тройки на предприятиях для руководства забастовками <...>, Лелевич это отверг категорически. После возвращения из Москвы Лелевича, куда он ездил по делам, он сообщил, что листовки действительно были, но только на некоторых заводах, на улицах не было. Листовки я прочел, возмущившись фактом распространения их в массы. Примерно недели три тому назад я был у Лелевича с товарищем, которого думал <обратить?> для оппозиции. Лелевич с ним поговорил про <...> и расхождениях в партии.

Складывается впечатление, что следователям важно было не разобраться в деталях подпольной работы и даже не получить признательные показания, а заставить уклонистов отречься от ереси и присягнуть генеральной линии. В частности, это следует из показаний Василия Загуменного:

¹² Центральная контрольная комиссия.

Лелевича и Пестова знаю, у обоих бывал на квартирах, при встречах, мною велись с ними разговоры о внутривнутрипартийном положении и по другим вопросам частного, личного характера.

На данном этапе всякую подпольную и фракционную работу я считаю совершенно недопустимой и вредной для партии и рабочего класса.

Всякое обращение с апелляцией к беспарт. массам я считаю неправильным, допускаю обращение по всем вопросам направленным на исправление линии только к партии.

Я лично никакой подпольной работы не веду и вести не буду.

Никаких листовок у меня нет и не было, а у кого были и были-ли не знаю.

Если-бы предположим Лелевич стал обращаться к беспарт. массам, я его постарался бы убедить, а если б он не согласился, а стал бы продолжать это дело, то безусловно я заявил бы в ГПУ.

Впрочем, каялись далеко не все. Назначенный чекистами руководителем подпольной организации Николай Пестов четко объяснял свою позицию. Напомним, шел 1928 год, исключенным из партии еще можно было полноценно участвовать в общественной жизни и без последствий проявлять благородство:

После исключения меня из партии в декабре 1927 года я никакого участия в активной работе не принимал до опубликования материалов о положении дел в Московской организации. После опубликования этих материалов я считаю необходимым для каждого оппозиционера заявить партии о существующих разногласиях (замазывание существа разногласий, <...> применение по отношению правых мягких мер партвоздействия при <...> их фракционной деятельности). Каждый оппозиционер должен заявить, что <работа?> на два фронта является в условиях обострения борьбы с правыми не правильной ибо основной огонь должен быть направлен против правых открытых <оппортунистических?> членов партии. Для этого каждый оппозиционер должен выступить на открытых собраниях ячеек где ставится вопрос о положении в партии с заявлениями <в> вышеуказанном духе. Я, не скрывая существующие разногласия <...> на открытом собрании ячейки я лично выступил с разъяснением своей точки зрения на проблему хлебозаготовки, хлебоснабжения. Моя точка зрения как оппозиционера заключалась в <изложении?> взглядов оппозиции на организацию хлебоэкспорта, <...> внешней торговли и т.д. Обнаруженные у меня ряд оппозиционных документов получены мной от К. Радека. В частности обращение Радека в ЦК я получил от него в количестве трех экземпляров, которые размножил печатанием на машинке Лелевича. Часть отпечатанных листовок мною роздана ряду лиц, назвать фамилии которых не хочу. Директив передаваемым лицам я не давал. Что делать с ними дальше. Листовки я давал исключенным оппозиционерам из партии, беспартийным а также партийцам листовок не давал. Другие получаемые документы не размножались, а давались для прочтения исключенным из партии. Обсуждения по этим документам не было. Я лично ни одного документа не получил от находящихся в Саратове.

Пестову вторил студент Абрам Фридман:

Отобранные у меня документы письмо Радека в ЦК ВКП(б) и письмо Троцкого Конгрессу К. И.¹³ (заключительная часть) действительно принадлежат мне. Письмо К. Радека передано мне одним товарищем, фамилию коего назвать отказываюсь. Письмо Троцкого я получил по почте от неизвестного мне лица, откуда не припомню.

Всякую фракционную деятельность на данном этапе считаю недопустимой и вредной для единства партии, однако, считаю необходимым сказать, что перед партией <...> стоит задача бороться с правым уклоном, и что реализация этой задачи возможна

¹³ Коммунистического Интернационала.

только при правильной большевистской линии, а не половинчатыми мерами и не за спиной партии.

Обращение, так сказать, апелляция к беспартийным массам путем распространения письма К. Радека, считаю недопустимым, но апелляцию к партийной и комсомольской массе считаю допустимым.

С Лелевичем я знаком с декабря 1928 г., знаю его как доцента и как оппозиционера. После 15 сентября я был у него на квартире несколько раз.

Знаком также с Бабичевым Ст. и Кавтария, с которыми иногда встречаюсь.

Наконец, очередь дошла до главного оппозиционера Лелевича. 31 октября его вызвали на первый допрос. На самом деле, этот текст записан подследственным собственноручно и больше напоминает политический манифест.

С 1925 г. я принадлежал к ленинградской оппозиции, а затем в объединенной. После раскола объединенной оппозиции на XV партсъезде и капитуляции Зиновьева – Каменева, я идейно примкнул к той (большей) части ленинградской оппозиции (т. наз. безвожденцы), которая осталась верна ленинским большевистским оппозиционным взглядам. Ход классовых и внутрипартийных событий после XV съезда еще более убедил меня в абсолютной правоте и ленинской выдержанности платформы и контр-тезисов оппозиции.

Тяжелые, но поучительные уроки жизни (разгром Китайской революции, хлебозаготовительный кризис, смоленский и мн. др. гнойники и т.д.) побудили даже часть партийного руководства сдвинуться несколько влево, в сторону ленинской линии оппозиции (форсированное наступление на кулака, самокритика). Однако, этот и без того неосновательный и робкий поворот, встретив бешеное сопротивление переродившихся кругов госаппарата, уже на июльском пленуме ЦК сменился новым зигзагом вправо. Признаки нового «полевения» (крики о борьбе с правой оппозицией), к сожалению, не дают возможности предполагать, что перед нами – не очередной зигзаг, а действительный возврат к ленинской политике. Прикрывания правых вождей (Сталин на МК об отсутствии правых в политбюро), боязнь сказать всю правду партии, боязнь создать союз бедняков, продолжение ущемления материальных нужд рабочих, наконец, продолжающиеся аресты и ссылки застрельщиков борьбы с правой опасностью – оппозиционеров, все это показывает, что центристы (сталинцы) продолжают политику зигзагов, продолжают линию «Городской молодежный центр» огня налево, сохраняют блок с правыми. Этот путь гибелен для партии и для революции. В нынешних условиях политика зигзагов может привести к катастрофическим последствиям. Нужен решительный возврат к последовательной подлинно-ленинской политике. Это может осуществить лишь рабочее ядро партии, если оно узнает всю правду и пробудится от политической пассивности (порожденной бюрократическим режимом). Оно заставит руководство прекратить шатания.

Долг каждого большевика делать все, что он в силах, для того, чтобы рабочее ядро партии узнало всю правду и активизировалось. Этот долг я, в меру сил, выполнял. Я действительно стремился убеждать партийцев в правоте линии оппозиции и знакомил их с материалами, эту линию формировавшими. «Виновным» в этом себя не признаю, ибо это – не вина, а «исполнение» большевистского долга.

Восковки и др. принадлежности для размножения литературы завалились у меня с прошлых времен, после съезда я ими не пользовался. Я ограничивался либо теми документами, которые ко мне попадали, либо же перепечаткой их на пишмашинке.

Изъятые листовки у меня при обыске (обращение Радека в ЦК ВКП(б), отпечатанные на шапирографе на тонкой папиросной бумаге, я давал для ознакомления партийцев. Кому <персонально?> давал листовки, назвать не желаю. И как не отвечу, давал ли эти листовки Фридману, Кавтария, Пестову, Воскресенскому, исключенным за оппозиционную деятельность. О том, что я обработал <втягивал?> в оппозицию отдельных рабочих партийцев, я показал выше. <...> Что да обрабатывал. Но назвать конкретно место работы и имена отказываюсь, не желая вызывать репрессии по отношению к ним. Листовки, которые я раздавал товарищам (листовки – обращение Радека в ЦК) я печатал на своей машинке, отпечатав не более 15-18 экземпляров.

Остальные привез с собой из Москвы, куда ездил недели две назад. Листовки «Товарищи рабочие», привезенная мной из Москвы, не распространялась, так как мы с товарищами решили, что она не подходит для распространения. Письмо Радека я считал необходимым довести до сведения партии, почему и были приняты меры к их распространению. Посланные деньги для ссыльных оппозиционеров были не только моими деньгами, а являлись результатом пожертвования <и?> процентных отчислений: хотя проценты отчисления не были строго регламентированы. Представлялось возможным <вносить?> сколько возможно. Для каждого <поступающего?> товарища существование организационного комитета я категорически отрицаю, так как были личные связи между оппозиционерами, а большего не требовалось. Записано с моих слов и прочитано.

Студент Ипполит Кавтария на допросе отрекался от оппозиционных взглядов, что сыграло ему на руку в дальнейшем. Он рассказывал на допросе 3 ноября:

Копии письма К. Радека в ЦК ВКП(б) от 25/IX-28 г. в количестве 3-х экз., отпечатанных на шапирографе, и в 61 экз., отпечатанных на пишущей машинке, как равно и листовка, подписанная – «Оппозиция большевиков ленинцев ВКП(б)», требующей возвращения Троцкого в Москву – действительно принадлежат мне.

Первые 4 экз. письма Радека я получил от товарища, фамилию которого назвать категорически отказываюсь. Листовку о возвращении Троцкого я получил почтой из Тифлиса Ташкента от Яшвили, находящегося в ссылке за оппозиционную деятельность, вместе с письмом, в котором он, прилагая эту листовку, сообщил, что такие листовки распространялись в Москве.

С Лелевичем, Пестовым, Бабичевым и Фридманом я знаком, при чем, с первыми тремя я встречался часто, обменивался мнениями по всем вопросам политики Коминтерна, ВКП(б), секций Коминтерна и т.д., с последним же виделся всего 1 раз, где я с ним говорил и больше разговоров с ним не вел.

Всякую фракционную работу как метод считаю недопустимым.

Политику ЦК ВКП(б) в <...> ликвидации обнаружившихся в московской организации правых уклонов считаю нерешительной, по моему мнению правым уклонистам нет места в партии коммунистической <...>.

Всякое обращение к беспартийной рабочей массе со стороны своих единомышленников (исключенных за оппозицию, находящихся в данное время вне партии) я считаю недопустимым, как я показывал и при вторичном допросе, зафиксированном протоколом.

Вопрос – если бы Ваши единомышленники-оппозиционеры, обращались бы в данный момент к улице, ко всей беспартийной массе посредством листовок, в которых требовали бы освобождения Вас и Ваших товарищей, как бы Вы смотрели на такие действия?

Ответ. Прежде всего, если такие обращения были бы, то они никакого действия на власть не оказали бы в смысле нашего освобождения; если же к оценке этого вопроса подойти с принципиальной стороны, то безусловно, обращение к беспартийной массе с требованием о нашем освобождении <...> если бы такие листовки распространялись на улице я самым решительным образом осудил, осуждаю и буду осуждать. Подобные апелляции не к партии, а к беспартийной массе, ведут только к обострению, чреватому последствиями для партии и для страны.

Я принадлежу к группе большевиков-ленинцев и считаю, что ВКП(б), хотя и в руководстве имеются крупные ошибки и разложение партийных верхов (Смоленск, Сочи, Астрахань, Артемовск и др.), но основная масса партии ВКП(б) еще не потеряла своего классового пролетарского инстинкта и при правильном ленинском руководстве ВКП(б) доведет до конца свою историческую миссию.

1 ноября старший уполномоченный ГПУ Шуклин вынес постановление об освобождении арестованного Василия Загуменного. По мнению следователя, сведения о

его участия в подпольной антисоветской работе не подтвердились. Вскоре, напомним, партийному родственнику Загуменного вернули изъятый при обыске пистолет.

2 ноября на допрос был вызван студент Степан Бабичев. Сначала он косноязычно жаловался на жизнь:

Выходец сам из кр-ян бедняков, сам долгое время батрачил <...>. Работая в 1925-1926 г. в деревне секретарем ВК ВЛКСМ и видел, как плохо живут бедные слои деревни, за которые я боролся, и в то же время лучше живут кулаки и вообще зажиточная часть деревни. Я полностью видел, как сильно беднота была в зависимости от кулачества, как кулачество ее использовало в своих интересах. <...> поступил вуз где я увидел, что конкурс 1926 г. дал чуждый элемент вуз: детей священников <...>. Это меня еще раз убедило в неверности политики партии. В то время, как сотни детей раб. и кр-ян остаются за бортом вуза, а эта мрась принята. Я пробывал выступать об этом на партийных собраниях меня осмеивали, говорили, что это неверно, обвиняли в чем угодно. Эти причины не чуткого отношения к истенному пролетарию, как я толкнуло меня на путь оппозиционной борьбы.

А потом вдруг заговорил языком плаката:

Всякое обращение к беспарт. массе с апелляцией считаю недопустимым. От единомышленников своих, обращающихся с апелляцией к беспартийным массам, я категорически отмежевываюсь и решительно всякие действия в виде обращения к ней листовками осуждаю самым решительным образом. Если это направлено к парт. массе, я поддерживаю.

А в это время старший наставник Загуменного и Бабичева, врач Георгий Воскресенский был вызван на первый допрос, где его безуспешно пытались вернуть в лоно партии.

Примкнув к оппозиции в 1923 году, я окончательно перешел к оппозиции в 1926 году, принимая участие в ее работе.

Будучи исключенным после XV партсъезда из партии, вне политической работы я себя не мыслил, т.е. скатился к мещанству. Так как недостаточны возможности легальной работы, то вынужден пользоваться и нелегальной. Обнаруженные у меня письма, обращения Радека в ЦК ВКП(б) о <...> (листовка) намеревался распространить и часть раздал товарищам, фамилии которых назвать не желаю. Обнаруженные листовки у меня об итогах июльского пленума ЦК (оценка представителями группы 15) также намеревался распространять и единичные экземпляры отдал товарищам, фамилии которых также не назову. Листовки (письмо Радека) получены лично в Саратове, а оценка 15 получена не в Саратове, источники которых не назову.

Вопрос. Применяя методы нелегальной работы, считаете ли Вы возможным обращение непосредственно к беспартийцам (рабочего класса) посредством листовок и т.д. для воздействия на партию и ее Ц.К. к возвращению Троцкого к руководящей работе и из ссылки вообще методами политзабастовок и стачек.

Ответ: Обращение к беспартийным рабочим непосредственно считаю возможным, так как партия есть часть рабочего класса и тогда, когда эта часть, хотя бы и авангард его в лице руководящего органа Ц.К. ведет политику, вредно сказывающуюся на классовых интересах пролетариата. Возвращение всей оппозиции к руководящей работе и тов. Троцкого в частности, считаю необходимым в интересах пролетариата, а поэтому считаю допустимым метод вплоть до политстачек и политзабастовок.

Вопрос: Отрицая возможность реформенного пути исправления линии партии, кажущейся Вам неправильной, какой метод считаете Вы приемлемым?

Ответ: Реформенный путь, путь комбинации в верхушках считаю не верным, т.к. это будет опять-таки идти через голову партии, а поэтому считаю необходимым разделение этого вопроса партией в целом путем а) обсуждения всей партией подробно

материалов разногласий в партии и между руководящей группой и оппозицией в настоящее время и предсъездовских, б) созыв чрезвычайного съезда партии с отменой решений, принятых XV съездом.

Вопрос: Признавая возможность влияния на партию и заставить ее исправлять ее линию, считаемую Вами неправильной, посредством политстачек даже и беспартийных рабочих, считаете ли Вы необходимым руководство стачками Вами, т.е. исключенными из партии за оппозицию, или в руководстве ими возможно использование действительно беспартийных, не бывших как в ВКП, так и вообще в партиях других (враждебных)?

Ответ: Руководство политстачками должно проводиться или бывш. членами ВКП(б), исключенными за оппозицию, или состоящими в настоящее время в партии, но не безразлично беспартийными, хотя бы и рабочими, т.к. в этих условиях это движение может быть использовано действительно врагами пролетариата и если не непосредственно в руководстве, то посредством влияния (меньшевистское, анархистское и т.д.) на этих беспартийных руководителей.

Вопрос: Считаете ли Вы возможным существование на предприятиях при настоящих условиях оппозиционных ячеек или фракций для вышеозначенных целей (конспиративными)?

Ответ: При настоящих условиях групповой борьбы я считаю возможным существование фракционных групп на предприятиях, которые бы могли проводить в жизнь фракционные требования. Поскольку легально это не допускается, постольку необходимо конспиративное существование их.

Георгий Воскресенский, видимо, представлял собой яркий образец классического русского интеллигента, ощущал себя не арестантом в кабинете следователя, а оратором на трибуне, час которого, несомненно, пробьет в ближайшее время. Незадолго до первого допроса он написал обращение полномочному представителю ОГПУ по Нижне-Волжскому краю:

Заключение меня под стражу, полагаю, не преследовало целью превращение в инвалиды, однако обстановка с освещением в камере №4 может к этому повести. Я не могу, сидя в камере, бить баклуши, а чтение при существующем освещении (стола для этого нет, приходится читать на кровати) безусловно поведет к ослаблению, и так уже ослабленного усиленными занятиями, зрения. Необходимо Ваше распоряжение об усилении освещения в камере.

P.S. Кроме того, 3^х суточное пребывание без допроса, по-видимому обещает пребывание в такой обстановке еще не один вечер.

Полную противоположность врачу Воскресенскому явил высланный из Ленинграда Валериан Семечкин. В момент ареста он был научным сотрудником музея Чернышевского и говорил, видимо, то, чего безуспешно добивались следователи от его подельников:

Категорически отрицая свое участие в подпольной работе оппозиции как-то: в распространении и составлении разного рода листовок, воззваний, обращений и т.п. заявляю о том, что подобную работу считаю совершенно недопустимой, так как эта работа ведет к натравливанию класса (рабочего) на его авангард (партию), отмежевываюсь от всяческих организаций, так назыв. оппозиции, тем более, что с момента моего исключения из партии (28/IV-28 г.), когда я дал обязательство не вести никакой фракционной работы, я честно его выполнял. Что касается до чисто принципиальных взглядов, то я оставаясь честным перед партией и само собой не могу признать свою защиту основных взглядов изложенных в платформе не принял той и эти свои взгляды ошибочными. Спрашивается как же я буду поступать, чтобы не превратится в обывателя – мещанина с полным отсутствием какого-либо интереса к политической жизни страны? Я постараюсь вновь и опять продумать создавшееся для меня лично межеумочное положение и постараюсь исправить свои ошибки путем полной и безоговорочной поддержки политической линии ЦК ВКП(б).

Итак я полностью отмежевываюсь от организационной и тактической линии оппозиции, повторяя что и до того момента, когда я пишу эти строки я не принимал участия в организационной работе оппозиции и не знал о ней. Мое пребывание в оппозиции с XV съезда носило характер солидарности по некоторым принципиальным вопросам с очень немногими желанными т.т. из оппозиции – ни в коем случае ни с «троцкистским» и тем более «цекистским» направлениями. Спрашивается почему я не подал заявление о принятии, возвращении меня обратно в партию. В этом вопросе, в вопросе следовательно о признании ошибочным, как того требовал партсъезд – своих принципиальных позиций я непростительно быть может для человека считающего себя мало-мальски политически грамотным – колебался – эти шатания, составлявшие мою личную трагедию, не прошли еще и сейчас.

Даю обещание честно выполнять настоящее заявление.

Если до XV съезда я совместно со своими сотоварищами находясь внутри ВКП(б) противопоставлял свои воззрения воззрениями руководящей группы, то находясь вне партии я объективно противопоставляю свои взгляды всей партии. Что является совершенной нелепостью, так как партия коммунистическая, рабочая.

Считая подпольную деятельность оппозиции вредной для партии и рабочего класса, долгом своим считаю всеми имеющимися у меня средствами бороться против нее, официально разоблачая ее никчемность, опасность и вредность в настоящих условиях.

И в тот же день, 3 ноября уполномоченный ОГПУ Шуклин освободил Семечкина.

Несмотря на то, что руководители подпольной организации и все активные ее участники были арестованы и давали в той или иной степени признательные показания, говорить о полной победе над оппозицией было рано. В Саратове снова обнаружались крамольные листовки. На этот раз их не передавали из рук в руки студенты, а находили на улицах рабочие. В частности, отпечатанные на шапирографе листки были разбросаны на углу Ленинской и Камышинской (ныне Московской и Рахова), а также около аккумуляторного завода. Бдительные пролетарии передали их руководителям своих партячеек.

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Товарищи! Наши трудности растут с каждым днем, кулак поднимает голову, все сильнее нажимает международная и внутренняя буржуазия.

С каждым днем все труднее становится жить рабочему классу.

Дороговизна растет – падает зарплата. А в бюрократических канцеляриях готовятся все новые прокты нажима на мускульную силу рабочих и дальнейшее понижение зарплат. Но это только начало! Настоящие трудности еще впереди. Они будут расти, они могут привести к гибели пролетарское государство, если вы не примете решительного участия в борьбе с кулаком и нэпманом, с бюрократизмом, который свил себе прочное гнездо в нашем государстве.

Товарищи! Оппозиция большевиков-ленинцев давно предупреждала партию и рабочий класс об этих опасностях. Но нынешние руководители, в том числе и те самые правые, с которыми сегодня будто бы вас призывают бороться, исключили ее из партии, и тысячи лучших борцов за дело рабочего класса, учеников Ленина и старых революционеров сослали в ссылку.

Даже сегодня, когда только слепые и зарвавшиеся бюрократы не видят, что главная опасность идет от кулака и нэпмана, идет справа; нынешнее руководство партии продолжает свою старую политику.

Волна новых арестов прокатилась по всему СССР. В Саратове в ночь с 29 на 30^е <октября 1928 г.> арестованы т.т. Лелевич, Пестов, Фридман, Воскресенский. Арестован т. Кавтария, которому партийно-советская бюрократия мстит за то, что он еще недавно решительно отказался идти вместе с ними и ушел к большевикам-ленинцам. Этим товарищам ждет также ссылка, в которой уже скоро год томится такой великий боец за дело рабочего класса, вождь и организатор Красной Армии, как т. Л.Д. Троцкий.

В глуши – за сотни верст от жел<езной> дор<оги> его здоровье подтачивает малярия, его жизнь в опасности. Товарищи! Не верьте словам ваших руководителей, добивайтесь правды сами. Сами разбирайтесь, почему у нас растут трудности и как бороться с ними. На всех собраниях требуйте, чтобы вам ответили, почему продолжают аресты и ссылка, почему играют жизнью и здоровьем т. Троцкого, требуйте их освобождения из ссылки и обратного возвращения в партию.

Товарищи! Сами отстаивайте свои права.

Поднимайтесь на борьбу с кулаком, нэпманом и бюрократам!

За пролетарскую диктатуру!

За союз рабочего и бедняка крестьянина!

За Социализм!

Больш<евецко>-Ленинская оппозиция.

Прочитай и передай другому.

Это был открытый вызов и следствию, и всему аппарату ГПУ. По-видимому, работу пришлось усилить по всем направлениям, в том числе и агентурному. В результате 4 ноября с обыском нагрянули к 23-летнему студенту СГУ Лонгину Дубровину, исключенному в свое время из комсомола. В его дом на улице Красной явился сам начальник секретного отдела ОГПУ Д. Каплан. Под террасой дома был обнаружен зарытый в землю наган, после чего Дубровин сам показал место под крыльцом, куда спрятал шапирограф.

Расколоть парня не составило труда. Протокол допроса написан рукой уполномоченного Шабанова:

В связи с арестом Лилевича, Пестова и Воскресенского, да кроме того в печати признан как <...> – правый уклон в партии ВКП(б), котором Ленинская оппозиция доведла до свиданья партию на несколько лет в пиред и когда после ареста выши указанных товарищей мы – (Я Дубровин А.А., Тараканов А.В. и Бабичев С.) обратились к партийцам и комсомольцам как например член В.К.П. Фомиченко – (учитель университета) и другим за разъяснением по поводу арестов выши упомянутых товарищей, то они ответили что они примут меры за против нас за распространение клеветы. После этого я договорился с Таракановым А.В. выпустить листовку для рабочих по поводу арестов 30 октября с/г. Я пошел в аптеку купить жевотину и гленцерину – для составление масла на котором можно было-бы пичатать – всего было куплено матириала на пять (5) руб. 50 коп. и придя домой из данного матириала я зделал вроде гектографа. Мой товарищ Тараканов участия в этом не принимал но об этом знал. 31 октября с/г. я с Таракановым начал сосоставлять содержание листочки, основное содержание листочки был протест против арестов (полное содержание листочки было обнаружено у меня при обыски). Всего мы в месте с Таракановым напичатали около 75-штук. Все оргиналы писал Тараканов. 2 октября с/г. я взял несколько листовок – но сколько точно не знаю ну думаю что штук 30 – и начал раздавать рабочим едущим на работу – (раздавал листовки рабочим между Ленинской и Советской ул.) и все взятые листовки мною были розданы. О том что я взял листовки для раздачи рабочим и их роздал Тараканов знал. Остальные все листовки мы взяли в месте с Таракановым и пошли к Бабичеву – поговорить с последним как распространять оставшееся листовки но подойдя к дому Бабичева мы заметили что у него производят обыск. Мы с Таракановым решили в квартиру Бабичева не идти, а также решили и не итти с листовками домой, думая что производят обыск и тут же решили часть листовок порвать, что и сделали – а часть решили спрятать, и я отдельно от Тараканова – ибо последней пошел домой, пошел к Приваловскому мосту и спрятал в овраги оставшиеся у меня листовки. После этого пошел домой где уже Тараканова застал дома – спросил обыск было он ответил что не было. И стали ждать обыска. Бабичев не знал а также и другие наши товарищи не знали о нашем намерение изготовить листовки, и о том, что мы их уже распространили, а также разговоров об этом не с кем не было. <...>

Лелевич во время этих события находился в камере и должен был реагировать на новые улики против себя. Как и на предыдущем допросе, он предпочитал теоретизировать, а не давать конкретные показания.

Основным документом, определяющим мою теоретическую и «стратегическую» линию, является проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б). Ревизовать установку платформы в каком бы то ни было направлении (вправо или влево) считаю неправильным, не вызываемым потребностями объективного развития.

Я расхожусь с оппозиционными течениями т. Л.Д. Троцкого и т. Т. Сапронова¹⁴ по ряду пунктов (с первым преимущественно по вопросам международного и исторического характера, со вторым – по вопросу о путях партийной реформы). Но я убежден, что при всех ошибках течение тов. Троцкого есть большевистское течение, течение пролетарских революционеров, необходимое в партии и в ее руководстве. И ошибки течения т. Сапронова есть левое «наказание за грехи оппортунизма» (Ленин), есть часто крупные – эксцессы, порожденные, как следствие, оппортунистическими ошибками и антиоппозиционным террором руководства. И это течение, несмотря на крупные ошибки, по моему глубокому убеждению, должно быть возвращено в партию.

Исключение, аресты, ссылки оппозиционеров, при сокращении правых в руководстве вплоть до политбюро, есть продолжение убийственной политики огня налево.

Лучший способ ликвидировать заскоки и эксцессы тех или иных оппозиционных течений – ликвидировать оппортунистические шатания, всерьез повернуть огонь направо, вернуть партии ее отсеченное левое крыло. Все ошибки оппозиционных течений ничтожны по сравнению с оппортунистическими ошибками руководства: ошибки в борьбе с оппортунизмом несравнимы с оппортунизмом самим.

Листовку по поводу арестов в Саратове рассматриваю как неумелое выражение естественного желания вызвать протест партийного общественного мнения против продолжения огня налево.

Ленинградская оппозиция (безвожденство), оппозиция 1923 г. (группа т. Троцкого) и оппозиция 15-ти (группа т. Сапронова) – совершенно самостоятельные идейные течения в большевизме. <...>

Изъятый у меня при обыске документ, отпечатанный на папиросной бумаге, начинающийся словами «Выходит, что никакой самокритики в нашей ячейке не было» и кончающийся припиской от руки «Выходит, что главных правых покрывают, а стрелочников наказали», принадлежит мне и является примерным конспектом речи, которая по-моему сейчас должна произноситься сознательными партийцами на партсобраниях. Целью документа было помочь партийцам установить по моему мнению правильную большевицкую линию в выступлениях.

Вопрос. Предназначен ли этот документ в качестве инструкции конспекта для выступления членов партии на ячейках, скрывающих свою принадлежащих к оппозиции и передана ли кому-либо.

Ответ. Этот конспект передан мною некоторым товарищам как партийцам, находящимся в рядах партии и согласным с постановкой вопроса в конспекте так и исключенным из партии за оппозицию и предназначен он был для них. Документ был приготовлен в связи с октябрьским пленумом МК.

Из допроса Дубровина попутно выяснилось, кто в отсутствие руководителей организации принял решение распространять листовки в их защиту. Это был 23-летний студент IV курса педфака СГУ Александр Тараканов:

В среду на той неделе мы с Дубровиным, наиболее близким мне человеком, решили изготовить листовки; текст листовок заготовлял я; шапирограф приготовил

¹⁴ Тимофей Сапронов (1887, Тульская губерния – 28 сентября 1937, Москва) – партийный деятель, один из лидеров левой оппозиции. В 1928 г. был сослан в Крымскую АССР. 28 сентября 1937 г. расстрелян.

Дубровин, который приобретал и желатин и глицерин. Всего листовок мы с Дубровиным отпечатали на изготовленном Дубровиным шапирографе штук 70. Листовки были разного формата: один сложил в поллиста, другой в ¼ листа – первый был написан мною обыкновенным почерком, каким я обычно пишу, а другой (в ¼ листа) я написал печатными буквами. Дубровин текстов не изготавливал.

По отпечатывании я взял штук примерно 15-20 для распространения среди рабочих; часть взял Дубровин, а часть осталась у Дубровина. Где эта последняя часть листовок, я не помню. Вскоре с Дубровиным мы пошли к Бабичеву посоветоваться с ним, стоит ли их распространять, но пришли к нему в момент обыска. Тут же мы ушли: я пошел домой, а Дубровин куда-то в другое место.

Распространить мне листовок не удалось по той причине, что я не имел согласия на этот счет от ребят, в частности, от Бабичева, Дубровина (который ушел). Листовки были у меня на квартире – <далее?> спрятал я их у одного из ребят по фамилии Яку<...> – комсомольца, который зашел ко мне, куда он их перепрятал, я не знаю.

Дубровин, когда мы снова с ним свиделись, на мой вопрос, куда он дел листовки, ответил, что он их спрятал под какой-то камень, где-то под мостом. О том, что он распространял их, он мне ничего не говорил.

Мысль о изготовлении листовок возникла у нас с Дубровиным; никого из лиц нам знакомых мы в это дело не посвящали.

Целью выпуска листовок мы преследовали только одно – доведение до сведения рабочих об аресте наших товарищей, поэтому в нашей листовке мы и указывали, что в то время, когда идет борьба с правым уклоном в партии, репрессии сыпятся на левых.

Виновным себя в попытке распространения листовок признаю, если это можно назвать виной. Такой способ действий, как выпуск и распростр<анении> листовок я в некоторые моменты <...> и я себя <...>.

Видимо, власть приняла решение обезвредить поголовно всех потенциальных оппозиционеров из числа студентов. 4 ноября пришли с обыском к Михаилу Пилясову, студенту второго курса факультета хозяйства и права СГУ, ранее исключенному из комсомола.

Произведенным обыском у гр. Пилясова М.Ф. <...> ни чего обнаружено не было. Из имущества у Пилясова имеется только небольшая плетеная корзинка в которой находились книги – учебники по правовому вопросу и экономике и газетные вырезки из центральной «Правды». Кроме корзинки имелся топчан (кровать) с очень бедными постельными принадлежностями где в изголовьи были тоже книги учебники и тетради с записями лекций.

Несмотря на отсутствие хоть каких-то улик, Пилясова арестовали. Молодой человек, однако, сам напрашивался на статью:

Непосредственное обращение к рабочим беспартийной массе по вопросу о возврате Троцкого из ссылки, путем личного <выступления?> или распространения листовок считаю возможным и, в отдельных случаях необходимым. <...>

Все конспиративные методы работы оппозиции разделяю полностью как-то 1) распространение листовок среди беспартийных рабочих и партийцев <...>

Считаясь с дисциплиной конспирации по моему мнению я не считаю возможным пока дачу показаний <следствию?>. <...>

прим. выпущенные листочки анти-советскими не считаю *Пилясов*

6 ноября неожиданно объявил голодовку раскаявшийся было студент Валентин Романов. Из его записки, впрочем, не ясно, что он требовал от руководства ОГПУ, и что мешало ему начать голодать немедленно.

Считая, что мотивы выдвинутые вами, в ответ на наши требования, неудовлетворительны объявляю голодовку с 7/XI 28 г.

Как дальше развивались события вокруг Романова, не известно, однако 13 ноября он был освобожден из-под стражи, поскольку «данных, свидетельствующих о его причастности к подпольной антисоветской деятельности, в процессе следствия не добыто».

В итоге обвинение по ст. 58/10 ч. 1 УК РСФСР (пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания) было предъявлено Лелевичу, Пестову, Воскресенскому, Фридману, Кавтария, Дубровину, Тараканову, Пилясову и Бабичеву.

12 ноября был еще раз допрошен Лелевич:

Вопрос. Находитесь Вы в политическом и организационном блоке с группой Троцкого (указанное касается Вас как Лелевича) или нет.

Ответ. Я уже ответил в прошлый раз, что ленинградская оппозиция, к которой я имею честь принадлежать, является совершенно самостоятельным течением и ни с каким другим течением в блоке не состоит. Это дает ответ и на вопрос обо мне лично. Распространяться в ГПУ более подробно о разногласиях моих с другими оппозиционными течениями и тем давать моральную санкцию арестам и высылкам оппозиционеров считаю абсолютно недопустимым и отказываюсь.

Вопрос. Не сказано ли в каком блоке как с группой Троцкого, так и с группой Сапронова. О чем Вы отвечаете на мой вопрос. Чем объяснить 1) сборы денег и посылку высланным оппозиционерам, их имена. 2) одни и те же документы обнаружены как у Вас, так и принадлежащих к группе Троцкого, т.е. Пестовым. 3) Посылку нарочного к Преображенскому (троцкист).

Ответ. На прошлом допросе я уже формулировал свое отношение к репрессиям по отношению к оппозиционерам всех трех течений. Эти репрессии я считаю преступлением перед партией и пролетариатом. Совершенно естественно, что я считаю своей обязанностью, по мере сил, помогать всем товарищам, пострадавшим от антиоппозиционных репрессий. На второй вопрос (о документах): я считаю, что не только все оппозиционеры всех трех течений, но и вся партия должна быть знакома с документами оппозиции. Тем более понятно, что документы оппозиции, которые я так или иначе получал, я передавал для ознакомления товарищам из разных оппозиционных течений. И уж совсем понятно, что письмо т. Радека в ЦК (именуемое Вами «листовкой»), которое я считал нужным довести до сведения партии, я первым делом раздал т.т. оппозиционерам. От показаний о так называемом «курьере» к тов. Преображенскому отказываюсь.

Вопрос. В письмах к Вам Бабичева ставился Вам вопрос о выполнении обещания ему т.е. если «левые ленинградцы» <...> перед ЦК, сдав свои позиции, то Вы перейдете к группе Троцкого. Это его письмо от 4/VII из Татищево. В письме же от 15/VII он упоминает, что получил от Вас ответ. Не считается ли это успокоение выполнением Вами обещания.

Ответ. «Успокоение» в письме от 15/VII относилось исключительно к моему сообщению, что я не последовал примеру Сафарова¹⁵ и Вардина¹⁶ и остался на своих позициях (т.е. позициях ленинградской оппозиции).

Разговор, о котором упоминает т. Бабичев в письме от 4/VII, имел место весной с.г. В этом частном разговоре меня спросили, что бы я стал делать, если бы вся ленинградская оппозиция последовала позорному <приказу?> т.т. Зиновьева – Каменева. Я ответил, что считаю эту перспективу совершенно исключенной, что такое ортодоксальное ленинское течение, как ленинградская оппозиция, может иметь

¹⁵ Георгий Сафаров (1891, Санкт-Петербург – 27 июля 1942 года, Саратов) – государственный и партийный деятель. 18 декабря 1927 был исключен из ВКП(б) и выслан в Ачинск. Восстановлен в партии в 1928 г. Расстрелян 27 июля 1942 г.

¹⁶ Илларион Вардин-Мгеладзе (1890, Грузия – 27 июля 1941, Москва) – литератор, журналист. За оппозиционную деятельность 31 декабря 1927 г. был исключен из ВКП(б) и выслан в Бийск. Восстановлен в партии в 1928 г. Расстрелян 27 июля 1941 г.

дезертиров, но не может покончить самоубийством и, как течение, отказаться от своих взглядов. Если же такое невысказанное, по-моему, несчастье все же случится, я принужден был бы, несмотря на свои серьезные разногласия, бороться вместе с тов. Троцким.

Как известно, мой оптимизм оправдан: ленинградская оппозиция, как и следовало ожидать, сохранилась. И касаться сейчас этого разговора значит повторять историю умной Эльзы из сказок бр. Гриммов.

Этот вопрос вынуждает заподозрить, что меня чуть ли не считают тайным членом течения тов. Троцкого. Резко протестую против подобных подозрений. Если бы я считал нужным войти в это течение, я не скрывал бы этого. Требую, чтобы обо мне судили не на основании нелепых подозрений, а на основании моих заявлений и действий.

Я – большевик-ленинец ленинградского течения. По мере сил и способностей боролся за свои убеждения и готов за это отвечать.

Вопрос. Протестуя против возможного подозрения Вас в «скрытой» принадлежности к группе Троцкого, чем объясняете обнаружение у Вас при обыске 1) бюлетеней подполья троцкистов 2) <...> листовка Радека, которую Вами распространялась (Радек является троцкистом) 3) листовки подполья троцкистов, разбросанные среди <...> связи с съездом Купферблима. 4) среди взятых документов <...> документы, подтверждающие Вашу организационную связь с троцкистами. 5) На первом допросе Вы указали на документы <...> <...> из Москвы. Чем объяснить, что такое количество <...> для распространения документов троцкистов передали Вам не находящегося в организационной связи с троцкистами.

Ответ. По существу я уже ответил на этот вопрос в пункте втором настоящего допроса, т.е. я считаю, что все оппозиционеры должны быть в курсе всех политических оценок. Письмо т. Радека распространял, потому что считаю его прекрасным большевистским документом, ни капли не противоречащим моей позиции.

12 ноября Бабичев дал следователям расписку:

Я Бабичев состоя в оппозиции разделял и разделяю ее взгляды до сего времени. Однако, я до сих пор ни вел никакой фракционной работы, а также <отказываюсь> и в дальнейшем от ведения таковой. Фракционной работой я считаю: 1) распространения оппозиционной литературы и листовок среди когобы то нибыло; 2) информирование и ознакомление членов партии с оппозиционной литературой и ее взглядами.

и был освобожден из-под стражи, т.к. «данными следствия предъявленное обвинение гр. Бабичеву не подтвердилось».

15 ноября дело «Группы Лелевича» было направлено на рассмотрение в Особое совещание при Коллегии ОГПУ. Однако еще 11 ноября в следственный отдел ОГПУ города Москвы поступило заявление от саратовских коллег.

Препровождая при сем дело за № 1557 на исключенных из ВКП(б) за фракционную деятельность: ЛЕЛЕВИЧА Л.Г., ПЕСТОВА Н.С., ВОСКРЕСЕНСКОГО Г.В. и др. всего в количестве 8-ми человек, считаем необходимым сообщить, что эта ~~публика~~ группа, внося своей разлагающей работой в партийную среду различные кривотолки и самые нелепейшие слухи, – по мнению парторганизаций является элементом в г. Саратове совершенно нежелательным.

С своей стороны ПП ОГПУ по НВК в интересах дела и партии настоятельно просит эту ~~публику~~ группу из г. Саратова изъять, т.к. оставление их в г. Саратове, при наличии здесь Раковского и Вуйовича, связанных с ними, и той нездоровой и вредной деятельности, которую эта группа вносит в ряды партии и за пределы ее, совершенно нежелательно. Арестованные с сего числа <перечисляются?> за Вами.

Заявление подписали полномочный представитель ОГПУ по Нижне-Волжскому краю Каширин, начальник пятого следственного отдела Торопкин и начальник

следственного отдела Д. Каплан. С этого момента ответственность за судьбы арестованных оппозиционеров возлагалась саратовскими чекистами на Москву. 19 ноября из-под стражи был выпущен Кавтария, а в Москву ушло донесение, ради чего это было сделано:

В целях конспирирования нашего осведомления по оппозиции, при его освобождении из-под стражи, нами одновременно был освобожден один из группы арестованных оппозиционеров – КАВТАРИЯ, Ипполит Михайлович, копия постановления на коего при сем прилагается.

Арестованные саратовские оппозиционеры ждали решения своей участи до 27 декабря 1928 года. Времена Большого террора еще не наступили, поэтому все восемь человек получили всего лишь по три года ссылки. Постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ Лелевич и Лонгин Дубровин были высланы на Урал, Георгий Воскресенский – в Сибирь, Николай Пестов – в Казахстан, Абрам Фридман – в Чувашскую республику, Ипполит Кавтария – в Череповец, Александр Тараканов – в Вятскую губернию, Михаил Пилясов – в Башкирскую АССР.

При этом Дубровину было разрешено свободное проживание по СССР уже летом 1929 года, а Кавтарии – летом 1930 года.

Георгий Воскресенский 28 июля 1930 г. был повторно осужден на три года за антисоветскую пропаганду в городе Рубцовске Алтайского края. Дальнейшая судьба неизвестна.

Николай Пестов был арестован в 1935 г. в Туле, осужден тройкой при УНКВД по Дальстрою и расстрелян 26 октября 1937 г.

Михаил Пилясов был повторно арестован и расстрелян в Москве 10 августа 1937 г.

Валериан Семечкин вторично был осужден тройкой при УНКВД по Дальстрою и расстрелян на Колыме 9 января 1938 г.

Иосиф Цветков после ссылки жил в Москве, был арестован в 1936 г., отправлен в Магаданскую область, где и был расстрелян 14 ноября 1941 г.

Абрам Фридман в дальнейшем побывал в ссылках в Сибири, Таджикистане, Узбекистане и Красноярском крае. По словам дочери, был участником первой голодовки политических заключенных в Воркуте и там же расстрелян в 1938 году.

Сразу после возбуждения уголовного дела были выписаны ордера на обыск и арест Петра Занюка, Константина Сенюшкина и Калиника Яшвили, однако по непонятным причинам их имена больше в деле не фигурировали. Но и они не избежали репрессий.

Директор Саратовского автодорожного рабфака Петр Занюк был арестован за контрреволюционную деятельность 17 января 1935 г. и получил пять лет лагерей.

Инженер Константин Сенюшкин был осужден в Саратове 20 сентября 1936 г. на пять лет лишения свободы, освобожден 29 апреля 1942 г., но содержался на спецпоселении в Воркуте до 1953 г.

Каленика Яшвили нашли в Северо-Казахстанской области на должности ответственного исполнителя в зернотресте. 7 сентября 1932 г. он получил три года исправительно-трудовых работ.

Глава группы оппортунистов Лелевич находился в ссылке до 8 апреля 1931 г., когда ему было разрешено свободное проживание по СССР. Но в 1934 г. он был вновь приговорен за контрреволюционную деятельность к ссылке, которую отбывал в Махачкале. В 1934-1935 гг. работал заведующим сектором литературы НИИ национальных культур при СНК Дагестанской ССР. Снова был выслан, на этот раз в Челябинск, где 4 ноября 1937 г. тройкой НКВД был осужден к высшей мере наказания. Расстрелян 10 декабря 1937 г.

В том же году был расстрелян отец Лелевича Гилель Калмансон, а в 1941-м – сын Варлен Лаборьевич.

Уместно напомнить, что еще в 1922 году поэт Лелевич написал «Коммунэру о чекисте Семёнове», перепечатанную затем в «Саратовских известиях»:

Всю ночь огни горели в Губчека.
Коллегия за полночь заседала.
Семенова усталая рука
Пятнадцать приговоров подписала.

...

И вот землей засыпаны тела...
Семенов сел в хрипящую машину,
И лишь на лбу высоком залегла
Еще одна глубокая морщина.

Дело восьми обвиняемых из «Группы Лелевича» было пересмотрено президиумом Саратовского областного суда в апреле 1990 года. Справка о реабилитации отца была направлена дочери Абрама Фридмана, остальные семь справок отправлять было некому, и их подшили к архивному уголовному делу.